

НОВЫЯ КНИГИ.

Kurt Leese. Die Krisis und Wende des christlichen Geistes. 1932.

Тема этой книги должна возбудить интересъ всѣхъ, кого волнуютъ религіозныя проблемы, и о ней дѣйствительно стоитъ поговорить. Авторъ ея стоитъ на протестантской точкѣ зрѣнія. Однако онъ понимаетъ протестантизмъ не въ узкомъ вѣроисповѣдномъ смыслѣ лютеранства или кальвинизма, а въ смыслѣ принципиальномъ, опредѣляя его какъ протестъ противъ всякаго признанія условности абсолютнымъ и противъ всякаго ограниченія автономной вѣры и свободы совѣсти. Понимая протестантизмъ въ такомъ широкомъ смыслѣ, авторъ утверждаетъ, что и благочестивый католикъ можетъ быть протестантомъ, между тѣмъ какъ многіе лютеране и кальвинисты по существу являются католиками, подчиняя вѣру и свободу совѣсти внѣшнимъ авторитетамъ. Не будемъ оспаривать этого сомнительнаго положенія. Такой споръ отвлекъ бы насъ слишкомъ далеко отъ центральныхъ вопросовъ, трактующихся въ этой книгѣ. Отмѣтимъ лишь, что авторъ рѣзко нападаетъ на «діалектическое богословіе», какъ на «богословіе отчаянія», возводящее по примѣру Киргегора абсурдъ въ принципъ, полагающее пропасть между Богомъ и міромъ и загораживающее человѣку доступъ къ Богу, что онъ отвергаетъ всѣ тѣ элементы историческаго христіанства, которые мы въ терминологіи Розанова могли бы назвать его «темнымъ ликомъ» (ученіе о первородномъ грѣхѣ, о спасительной жертвѣ Христа, аскетизмъ, эсхатологизмъ), и что онъ видитъ сущность христіанства единственно въ «щедро дарящей и милующей любви» (schenkend-begnadende Liebe). Такое одностороннее пониманіе сущности христіанства, конечно, вызываетъ серьезныя возраженія. Съ нимъ однако связано интересное, особенно для русскаго читателя, утвержденіе автора: «Послѣднее и глубочайшее знаніе о вещахъ коренится не въ

волѣ, а въ любви», напоминающее извѣстный гносеологическій принципъ Хомякова. Эти предварительныя замѣчанія однако не раскрываютъ еще основной темы книги: *кризиса христіанскаго духа*. На данной авторомъ характеристикѣ и оцѣнкѣ этого кризиса мы остановимся подробнѣе. Авторъ ставитъ себѣ задачей освѣтить современную борьбу міросозерцаній и показать, изъ какихъ мотивовъ она преимущественно вытекаетъ. Его вниманіе при этомъ сосредотачивается на «философіи и богословіи жизни», за развитіемъ которой онъ слѣдитъ путемъ разбора ученій главныхъ представителей этого направленія. Онъ старается выяснитъ постепенно нарастающее проникновеніе жизненнаго, «діонисовскаго» (по терминологіи Ницше) мотива, долго сдерживаемаго и подавляемаго аскетическимъ христіанствомъ въ развитіе духовной жизни западно-европейскаго челоѣчества и вліяніе, оказанное этимъ мотивомъ на философскую и богословскую мысль. Этотъ процессъ, въ которомъ авторъ видитъ «кризисъ и поворотъ христіанскаго духа», начинается, по его мнѣнію, съ Якова Беме и, постепенно усиливаясь, достигаетъ крайней остроты въ ученіи современнаго мыслителя Людвига Клагеса о непримиримой противоположности между духомъ и душой и въ его рѣзко отрицательной оцѣнкѣ духа, какъ разлагающаго жизнь принципа. Выборъ мыслителей, ученія которыхъ излагаются авторомъ, обусловленъ исключительно ихъ значеніемъ для философіи и богословія жизни. Раскрывая характеристикой ихъ міросозерцаній своеобразныя формы проявленія основнаго «діонисовскаго» мотива, авторъ путемъ ихъ критической оцѣнки стремится преодолѣть ихъ односторонность и выработать собственную міросозерцательную основу. За подробнымъ анализомъ, которому авторъ подвергаетъ излагаемыя имъ системы міросозерцаній, я здѣсь слѣдитъ не буду, а ограничусь указаніемъ центральныхъ мыслей, которыя онъ въ нихъ находитъ. Якову Беме онъ ставитъ въ заслугу созданіе твердой почвы и насыщенной атмосферы для развитія богословской проблемы жизни. Его творчество знаменуетъ возникновеніе новаго жизненнаго чувства, неотразимо заявляющаго свои права вопреки церковно-христіанскому преданію. Его концепція «природы въ Богѣ» связана съ отрицаніемъ спиритуализма, съ «паеосомъ земли и тѣлесности». Беме безспорно оказалъ рѣшительное вліяніе на Шеллинга. Посредствующимъ звеномъ между ними, по мнѣнію автора, является менѣе извѣстный швабскій теософъ Этингеръ (Oetinger), давшій въ рамкахъ строжайшаго библицизма апоѳеозъ жизни и тѣлесности, ярко выраженный въ его знаменитомъ словѣ: «Тѣлесность есть конецъ путей Божіихъ» (*Leiblichkeit ist das Ende der Wege Gottes*). Разбирая философію Шеллинга, авторъ останавливается преимуществен-

но на тѣхъ ея сторонахъ, гдѣ Шеллингъ, раздвигая рамки идеализма, насыщаетъ его динамикой органической природной жизни. Въ этомъ отношеніи замѣчательна также данная авторомъ характеристика философіи Вейсе (Christian Hermann Weisse) какъ попытка синтеза христіанства и идеалистической философіи, осованной на отрицаніи дуализма духа и матеріи и на отказѣ отъ толкованія міросозданія какъ результата преступнаго дерзанія и грѣховнаго паденія. У Гердера и Гете авторъ подчеркиваетъ онтологическій мотивъ цѣлостности божественной жизни и человѣческаго существованія. Самой интересной частью книги я считаю главу, посвященную группѣ мыслителей, объединенныхъ общей темой «матери земли». Признавая «сѣвернаго мага» Гамана родоначальникомъ этого направленія и провозвѣстникомъ современнаго міроощущенія, авторъ удѣляетъ особое вниманіе поэту-романтику Арндту, якобы подводящему въ своей философіи исторіи итогъ западно-европейскому историческому процессу. Въ оторванномъ отъ природной жизни духѣ Арндтъ видитъ разрушительный принципъ. Въ его палящихъ лучахъ засыхаетъ жизнь. Онъ уничтожаетъ природные корни человѣческаго существованія, разбиваетъ цѣлостность органическихъ формъ и превращаетъ природу въ бездушный трупъ. Утверждая, что разрывъ духа съ природой произошелъ въ христіанствѣ, Арндтъ отчасти предвосхитилъ Ницшевскую критику христіанства. Онъ выступаетъ горячимъ защитникомъ непосредственныхъ и естественныхъ душевно-тѣлесныхъ порывовъ и стремится вернуть инстинктивной жизни человѣка ея добрую совѣсть. Въ этомъ отношеніи онъ является сторонникомъ язычества. Христіанству однако онъ ставитъ въ заслугу преодолѣніе демоническихъ силъ. Очень обстоятельно авторъ разсматриваетъ ученія Каруса, Гёрреса и Бахофена. Карусъ — писатель первый половины 19-го вѣка, оказавшій психологіи важныя услуги и долго несправедливо забытый — примыкая въ своемъ ученіи о безсознательномъ къ Гете и Шеллингу, создалъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ и послѣдовательныхъ формъ философіи жизни. Гёрресъ создалъ миѳъ универсальной жизни, превосходящій своей силой и сочностью, по мнѣнію автора, все, что въ этомъ направленіи написано Гердеромъ и Шеллингомъ. Бахофенъ прослѣдилъ въ доисторической эпохѣ сказывающееся въ миѳахъ древности преобладаніе матерьяльнаго женскаго принципа надъ духовнымъ мужскимъ. Если Шеллингъ показалъ, что жизнь покоится на непроницаемой темной основѣ, то непреходящая заслуга Бахофена состоитъ въ томъ, что онъ очистилъ эту темную основу въ «хтоническомъ теллуризмѣ». Высоко цѣня Бахофена въ этомъ отношеніи, авторъ однако является рѣшительнымъ противникомъ его философіи

исторіи, которая обосновываетъ свою положительную оцѣнку христіанства тѣмъ, что оно дало перевѣсъ духовному принципу отцовства надъ матерьяльнымъ принципомъ материнства. Основнымъ философскимъ фундаментомъ, на которомъ авторъ строитъ свое собственное міросозерцаніе, является философія Ницше и потому глава, посвященная этому мыслителю, имѣетъ въ его книгѣ центральное значеніе. По мнѣнію автора, Ницше глубоко почувствовалъ основной недостатокъ историческаго христіанства и ясно на него указалъ: непризнаніе имъ діонисовскаго корня жизни. Анализъ міросозерцаній Эйкена, Бергсона и Зиммеля — трехъ мыслителей, изъ которыхъ каждый по своему ставитъ жизненный принципъ во главу угла своего ученія — приводитъ автора къ тому результату, что эти системы должны быть признаны *мнимой* философіей жизни: жизнь, о которой эти писатели трактуютъ, лишена конкретности, безсодержательна и призрачна. Эйкенъ въ сущности не болѣе какъ популяризаторъ идеализма. Для Бергсона «жизненный порывъ» (*élan vital*) и творческое развитіе (*évolution créatrice*) является скорѣе жестомъ чѣмъ реальностью. Что же касается Зиммелевской метафизики жизни, то она по существу оказывается не чѣмъ инымъ какъ секуляризованной религіозной метафизикой Шеллинга. Между тѣмъ какъ у упомянутыхъ трехъ философовъ проблема жизни затуманивается, два современныхъ мыслителя, въ ученіяхъ которыхъ кризисъ христіанскаго духа доходитъ до своего крайняго предѣла, проливаютъ на эту проблему яркій свѣтъ: Максъ Шелеръ и Людвигъ Клагесъ. Антропологія и богословіе Шелера, не будучи конечнымъ отвѣтомъ на проблему жизни, все же обнаруживаютъ трагическое положеніе современнаго человѣка, освободившагося отъ прежнихъ узъ, утерявшаго прежнія опоры и идущаго навстрѣчу неизвѣстному будущему. Значеніе Клагеса авторъ усматриваетъ въ рѣшительномъ признаніи безусловной независимости по существу своему безсознательной жизненной стихіи. Ошибка его лишь въ рѣзкомъ противоположеніи этой стихіи духу, какъ мертвящему и разлагающему принципу. Въ противоположность Клагесу авторъ строитъ свою собственную философію на гармоническомъ примиреніи начала духа съ началомъ жизни.

Николай Бубновъ.

Paul Schütz. Zwischen Nil und Kaukasus, Ein Reisebericht zur religionspolitischen Lage im Osten, Chr. Kaiser, München, 1930, s. 246, — Säkulare Religion, Eine Studie ueber ihre Erscheinung in der Gegenwart und ihre Idee bei Schleiermacher